

Атрионка. Сердце хамелеона

Автор:

Эль Бланк

Атрионка. Сердце хамелеона

Эль Бланк

Внеземные расы #2

Так уж вышло, что мой отец – атрион, мама – человек, а я меняю облик, становясь то тем, то другим. Вот только признаваться в этом не стану. Зачем мне идти на поводу чужого мнения и строить судьбу так, как ее видят другие? Тем более скучно ограничивать себя миром лишь одной планеты. Я сама могу найти свое место в жизни! А это значит... Рискнуть. Сбежать из дома. Сохранить тайну. Проявить все свои таланты. Блистать на сцене. Объединить два мира. Обрести личное счастье. С последним сложнее всего. Землянин или атрион? Кого выберет мое сердце?

Эль Бланк

Атрионка. Сердце хамелеона

Хранить, дразнить, грозить, сломить,

Спешить, творить, дарить, платить,

Просить, шутить, корить, смутить,

Ценить, учить, дружить, любить...

Все это значит – просто жить![1 - Здесь и далее стихи автора, если не указано иное.]

Пролог

Соло для атрионки

В комнате царила темнота. Хоть глаза выколи. Теплый, насыщенный влагой поток воздуха медленно опускался на плечи, лаская кожу и окутывая запахами, ставшими с недавнего времени привычными. Я втягивала его носом, глубоко вдыхая и улавливая успокаивающий аромат дома, но кислорода все равно категорически не хватало. Я задыхалась.

- Рия-Ла, может, свет все-таки включить? - разлился во мраке заботливый приятный мужской голос.

- Нет! - в панике взвизгнула я. - Не смей. Еще не все!

- Третий час «не все», - теперь в интонациях слышался укор. - Сколько можно?..

- Столько, сколько нужно! - отрезала я, ощупывая себя.

Ладони скользнули по влажной, покрытой капельками пота коже на груди и шее. Поднялись выше, пропустили через пальцы путающиеся пряди длинных шелковистых волос. Н-да...

- Давай я тебе купальню приготовлю, - заискивающе мягко проворковал голос. - Ты расслабишься. Успокоишься. Наверняка просто перенервничала, потому и не получается...

- Готовь.

Ощупывая руками пространство перед собой, я сделала короткий шаг к гигиеническому модулю. То есть туда, где он, по моим предположениям, должен был находиться. Второй шаг, третий...

- Левее, - тут же получила подсказку.

– А ну гаси инфракрасный спектр! Не подсматривай! – возмутилась я, выправляя траекторию.

Ладони коснулись упругой гладкой поверхности, которая тут же послушно развернулась, позволяя в нее залезть.

– Не могу, – нравоучительно отозвался голос. – Я на службе...

Приглушив последние слова, складка модуля сомкнулась над моей головой, а тело погрузилось в вязкую очищающую массу. Действительно расслабляющую, если настрой соответствующий. Однако у меня он был совсем иной. Переживательный! И нежные, ласкающие касания стенок купальни я практически не воспринимала. В моей голове все перекрывала собой только одна мысль – должен же мой организм вспомнить, кто он есть на самом деле, и вернуть себе нормальный облик!

В какой-то момент мне показалось, что это наконец произошло, и я настолько обрадовалась, что, не дожидаясь сушки, решительно раздвинула эластичные створки, выбираясь наружу. Вот только первое, что ощутила, попав в темное пространство, – все те же запахи.

– Два-восемь, зеркало и свет, – обреченно вздохнула, прикрывая глаза рукой.

Несколько секунд так и стояла, не отваживаясь посмотреть. А когда все же это сделала...

Грудь необычно сильно выделяется, кожа розовато-бежевая, губы красные, какие-то полные и подвижные. Мои привычные серые радужки превратились в зеленые, зрачки теперь круглые, ресницы укоротились. Брови, как и волосы, остались черными, но первые так и норовят уползти куда-то на лоб, а вторые расслоились, став очень тонкими и волнистыми. Их теперь так много!

Катастрофа...

Пошатнулась, отступила. Упав спиной на релаксирующий гель, сложила руки на груди и закрыла глаза. Лучше бы я сегодня не просыпалась. И вообще глупо было думать, что если я изменений не вижу, то они и не проявятся в полной

мере.

– Вчера ты не так сильно изменилась. И вернулось все обратно быстрее, – сопровождал мое падение задумчивый голос диспетчера. – Ты ничего на ночь подозрительного не пила? – продолжил, потому что я молчала. – Тебя никто не кусал?

Застонав, я перевернулась на живот.

– Какая разница, что и как в меня попало? – буркнула в гель. – Это ненормально! Я атрионка, а не человек! И не хочу жить с таким... таким...

Приподнялась, рассматривая ровную кожу на руке. Без чешуек, с какими-то короткими волосками, которые еще и вздыбились, когда волна прохладного воздуха прошла надо мной, остужая разгоряченный организм. А кожа вовсе неприятно натянулась и покрылась мелкими пупырышками. Жуть.

– Может, это все же временное явление, – снова попытался меня утешить два-восемь. – Возраст у тебя переходный.

– У Ал-Рифа он тоже когда-то был переходный! – парировала я. – Но брат-то не изменился! Что-то не видела я, чтобы он в таком облике разгуливал.

На этот раз промолчал диспетчер, а я, подперев голову кулачком, тоскливо уставилась на плавные изгибы фиолетово-красной стены.

За что мне такое «счастье»? Ладно бы я родилась землянкой, хоть не так обидно было бы. Но сто лет прожить совершенно нормальной атрионкой, а потом вдруг начать меняться... Это же безобразие!

– Рия! – настолько неожиданно позвал обеспокоенный женский голос, что у меня сердечко едва из груди не выскочило.

Я судорожно дернулась, подпрыгивая на волнообразно закачавшейся поверхности, сообразив, что не услышала, как открывается проем.

– Мама... – растерянно пискнула, впиваясь глазами в невысокую фигурку с куда более выраженными, нежели у атрионов, изгибами тела, – обтягивающая ткань бледно-зеленого домашнего платья лишь сильнее это подчеркивала.

– Дочурка, ты чего спишь так долго? – Родительница определенно изумилась тому, где именно я провожу столько времени.

Подошла ближе, присмотрелась, нахмурилась и тряхнула головой, рассыпав по плечам копну черных кудряшек, в точности таких, как сейчас у меня.

– Не собралась, не поела... Ты забыла, что тебя сегодня Ита-Ял ждет? Ну-ка, давай поднимайся, одевайся – и на выход. Бегом, бегом!

Она присела, протягивая руку, чтобы помочь мне выбраться из геля.

– Мам, я...

– Разговоры потом! – Договорить она мне так и не дала, запихнув между складками модуля. – В столовой!

Фффух... Выдохнула, вдохнула. Обошлось.

Почему мама не заметила во мне перемен, я догадалась сразу. Она хоть и единственная на Атрионе землянка, но из-за постоянного контакта с моим отцом у нее очень сильно изменилось восприятие. В общем, кажемся мы ей такими же людьми, как и она сама. Тогда мама смеется и называет нас «галлюциногенными». Не постоянно, конечно. Иногда воспринимает такими, какие есть. Но сейчас она точно приняла меня за эту... за галлюцинацию.

Впрочем, облегчение вновь сменилось беспокойством, едва я ощутила, как плотно прижалась ко мне складка, выделяя жидкую ткань и облепляя ею тело.

Полученная отсрочка – временная. Проблема никуда не исчезла. Как я другим атрионам в таком виде покажусь? К маме все привыкли, и вообще у нее уже папа есть! А я? Кому я вот такая нужна буду?

Вылезая из модуля, оптимизма я не испытывала. До тех пор, пока свою руку не увидела. Зеленую! С чешуйками! Ой...

Метнулась к зеркалу, которое два-восемь так и не убрал, и вскрикнула от счастья. Нормальная! Я – нормальная! Ура!

В радостной эйфории крутанулась вокруг своей оси. Густые тяжелые волосы, ставшие прежними и теперь отливающие черным перламутром, взметнулись и тут же упали, ощутимо ударив по щекам.

Прижала к ним ладони, не в силах оторвать взгляда от лица, и скомандовала:

– Два-восемь, свет погаси... Свечусь нормально?

Хоть и видела, как разгорелись флуоресцентные пятнышки, все равно не удержалась от вопроса.

– Уровень ниже среднего, – определил диспетчер. – Видимо, на трансформацию много энергии потратила.

– Похоже, – согласилась я с ним, потому что обычно одной световой ванны мне на три-четыре дня с лихвой хватает, а я только вчера ее принимала. Если изменения продолжатся, придется делать это чаще.

От подобной мысли меня передернуло. Нет уж! Пусть на этом все и закончится! Сбойнул организм и пришел в норму. Все.

Вышла из комнаты и поняла, насколько же голодна. В столовую ноги меня несли определенно быстрее, нежели обычно. И тем не менее, заметив тусклый цвет стены в одном из коридоров, я задержалась, чтобы сообщить:

– Шесть-четыре, в секторе проблема с подачей питательного субстрата.

– Принято. Корректирую, – среагировал диспетчер.

Я же, погладив упругую пульсирующую поверхность, начавшую наливаться сочной желтизной, поспешила дальше.

Свой дом я люблю, и хоть я не майнер и не фидер, слежу за ним так же, как и остальные. Ведь «Дизар» нас защищает, кормит, одевает. Он за нами убирает, по планете движется и даже в космосе летать может! Если с ним что-то случится – семья распадется, и тогда каждому из нас придется искать себе другой дом и новую семью, которая его примет. Никому не хочется подобных перспектив. Тем более что у нас семья отличная! И очень большая!

Пробираясь между складками-сиденьями, среди множества разноцветных голов, виднеющихся над спинками, я отыскиваю тех, кто меня ждет. Маму. Отца. Ал-Рифа... Брат наверняка с родителями. Он, как и все остальные, предпочитает совместные трапезы. Есть в одиночестве не так приятно.

– Все в порядке? – Первым на мое появление среагировал папа, протягивая приготовленный для меня мусс.

– Да. – Кивнув, я села рядом и забрала из его рук высокий стакан с розовым напитком. Мой любимый! И лишь втянув в рот густую кисло-сладкую, слегка вязкую жидкость, спохватилась, осознав, сколько в вопросе было тревоги и внимания. – А что?

Ну как вдруг я за это время опять изменилась и сама не заметила? На всякий случай бросила взгляд на свои запястья, однако ничего необычного не увидела. Впрочем, вчера, например, кожа свой цвет еще не меняла, только волосы расслоились. А позавчера вообще лишь новые ощущения появились, которые мама называет «запахи». Так что от моего тела теперь чего угодно можно ожидать.

– Ты напряжена. – Серые глаза внимательно всматривались в мои, нервируя все сильнее.

– Точно, – встрял братик, сидящий напротив. Закинув ногу на ногу, он неторопливо потягивал синюю гадость, которую я не выносила совершенно. – Фонишь волнением похлеще маминого «кофе».

Подобное сравнение в нашей семье стало классикой. Когда-то давно, когда папа и мама только-только познакомились, именно благодаря этому земному напитку выяснилось, что люди наши эмоции воспринимают как запахи, а мы,

соответственно, наоборот.

– Она просто взрослеет, – спасла меня родительница, избавив от необходимости признаваться в произошедшем. – Ты в ее возрасте тоже стабильностью эмоций не отличался. Забыл уже?

Я встрепенулась, наострила ушки и все остальные рецепторы, мгновенно уловив разлившееся вокруг брата смятение. Он скрывал, а я не в курсе?!

– Конечно, забыл. Это сто лет назад было, – отмазался Ал. Вернул стакан на стойку и поднялся.

Темно-синий комбинезон натянулся, плотно обтягивая его высокую фигуру. Едва заметно качнулись волосы, тяжелые, длиной почти до плеч, такие же черные, как у папы. Они с Алом вообще внешне очень похожи, а вот предназначения у них совсем разные. Наш отец – гайд, а Ал-Риф – майнер. Впрочем, это лишь облегчает взаимодействие, потому что между ними нет конкуренции.

– Я в диспетчерскую, – объяснил свою поспешность брат. – Сегодня мое дежурство.

– В пятом-третьем? – уточнила мама, на время даже прекратив жевать.

– Как обычно.

Ответ ее определенно успокоил, потому что брови, сошедшие к переносице, вернулись обратно, а губы растянулись, став тоньше. Я уже давно научилась читать ее эмоции по искажениям на лице, которые назывались «мимика». Хотя, признаюсь, поначалу делать это было необычайно сложно. Особенно когда вокруг нее разливалась практически паника, а на лице было явственно написано удовольствие. Мне, как и остальным, пришлось привыкать к тому, что это не она, а ее еда фонит эмоциями. Зная это, мама старается есть то, что для нас безэмоционально.

Вот сейчас, например, смотрю я на «сырники», похожие на желтоватые толстые лепешки, которые мама кромсает специальным прибором, именуемым «вилка», и ничего от них не чувствую. Зато с интересом присматриваюсь к белым

выростам во рту, предназначенным для измельчения пищи. Любопытно, а у меня почему они не появились? Не успели, потому что трансформация идет по нарастающей? То есть завтра появятся? Ой-ой! О чем я только думаю? Лучше не надо! Зачем мне эти жесткие штуки во рту, если мусс и без того прекрасно проглатывается, а пробовать мамины продукты мне как-то не хочется?!

– Дочка, да что с тобой? – тут же почувствовал мое волнение папа. – Тебя беспокоит, какое решение примет Ита-Ял?

Предположение он сделал логичное. Пусть и не совсем верное, но меня более чем устраивающее. К тому же действительно Ита в нашей семье – самый опытный экзот, и от ее мнения зависит моя будущая специализация. Тут реально есть причины для того, чтобы понервничать.

– Или ты из-за брата расстроилась? – спохватилась мама, снова прекращая есть. – Он не хотел тебя обидеть. Просто высказался резко, не сдержался. Знаешь ведь, что у него с девушкой не ладится.

– Я все сразу, – на всякий случай приняла оба варианта. Чтоб с гарантией. Брату я сочувствую: он никак не может найти себе пару. Вроде есть потенциальная невеста, а отношения с мертвой точки не сдвигаются – даром что Ал-Риф в ее секторе диспетчером работает, то есть взаимодействуют они практически постоянно. Так что, раз уж мама предлагает это использовать в качестве оправдания, спорить не буду. – Я пойду, ладно?

Чмокнула отца в губы, привычно передав ему льер и забрав тот, что предназначался мне. Помахала маме. Уже на выходе из столовой не удержалась и оглянулась. Очень уж приятно было видеть, как родители целуются. Мне не мешало наслаждаться этим зрелищем даже то, что они совсем разные: на фоне мягких переливов желто-оранжевых стен и бордово-красных натеков потолка сине-зеленый оттенок кожи отца смотрелся гармонично, а вот мамин светло-бежевый определенно вносил дисбаланс. И все равно в этот момент они были такие милые...

Опять же кто-нибудь другой, знающий, что земляне льер не вырабатывают, вряд ли посчитал бы это нормальным. Возможно, даже выразил бы моему отцу сочувствие: он-то контактного вещества не получает, только отдает. Но папа маму очень любит, и потому ему достаточно такого одностороннего «обмена».

Кстати, мама называет льер иначе – шеклак. И утверждает, что у нее именно от него возникают галлюцинации. Не знаю... Видимо, это только у людей такой побочный эффект проявляется, потому что, когда мне от отца или брата льер достается, я обычно просто испытываю симпатию и доверие. Ну либо позитивный настрой и уверенность в том, что все у меня получится, – это когда папа решает, что мне такая поддержка необходима. Вот как сейчас.

Свалившаяся проблема кажется мне куда менее значительной. Ну меняюсь, и что с того? Обратно же возвращаюсь! И вообще, как сказал два-восемь, может, это временное! Побалуется мой организм и надоеет ему. И будет все как прежде.

К тому же мое предназначение для меня куда важнее! Я хочу наконец получить рекомендацию и начать специализироваться. У меня хорошо развиты умения, которыми владеют экзоты, но нельзя распыляться на все сразу, нужно сосредоточиться на чем-то одном. Тогда и результат будет самым лучшим!

По коридорам я петляла в воодушевленном предвкушении, растущем по мере того, как довольно скучные, однообразные переливы стен жилой зоны менялись на более эффектные, складывающиеся в причудливые узоры и картины развлекательной части дома.

У входа в главный зал я на несколько мгновений замерла, сосредотачиваясь, и коснулась чувствительного участка стены, раскрывающего проем. И уже не раздумывая шагнула в полумрак, расцвеченный световыми всполохами, манящими своей загадочностью.

Атмосфера здесь всегда вдохновляющая. Насыщенная, эмоционально яркая, притягивающая. Здесь проходят все семейные праздники, здесь принимают гостей из других домов, наконец, здесь просто отдыхают, когда хотят расслабиться и получить удовольствие. То есть отдыхают гайды, майнеры и фидеры. А экзоты работают! Потому что это наша задача – обеспечивать семью развлечениями! И стараться, чтобы каждый мог найти для себя подходящее. То, которое ему больше всего понравится и принесет психологический комфорт.

– Рия-Ла! – Громкое восклицание эхом отразилось от стен, которые, несмотря на свою визуальную мягкость, обладали крайне высоким отражающим эффектом.

Ита-Ял, стоящая на небольшом возвышении в центре, махнула мне рукой, а я даже на расстоянии почувствовала идущую от нее волну искренней радости и заботы. Она мне хоть и не кровная родственница, но на «Дизаре» живет так же долго, как и мой папа. По-моему, они одновременно в семью пришли, и их приняли. Это лет триста назад было. Потому у Иты и опыт огромный, не прислушаться к ее мнению будет очень глупо.

– Ну что, попробуем определиться?

Едва я оказалась рядом, Ита-Ял ласково подтолкнула меня к центру сцены. Сама же, придерживая длинную объемную юбку, спустилась вниз и удобно расположилась на одной из складок-сидений.

Следующие три часа я старательно демонстрировала ей все то, на что способен экзот. Стихи читала. Пела. Сама себе аккомпанировала. Танцевала, теперь уже под музыку, которую наигрывала Ита-Ял. Рисовала. Меняла эмоциональный фон на строго определенный, что, надо признаться, у меня всегда плохо получалось. Ну не могла я фонить радостью, если не испытывала ее по-настоящему. А ведь многим экзотам именно это удается лучше всего.

– Тебе определенно голос дальше развивать нужно, – подытожила Ита, когда я выдохлась и уселась на краю сцены. – Очень чистый звук, красивые модуляции, хороший диапазон. Эмоциональный фон на него накладывается изумительно. В этом у тебя отличные перспективы, поверь мне.

Верю. Потому что чувствую, насколько она искренна в том, что говорит. И вообще, мне петь очень нравится. Я буду делать это с огромным удовольствием.

– Значит, начну заниматься с Май-Лу и Ти-Ярком, – решила и обратилась к диспетчеру: – Три-один, совмести наши режимы суточной активности. И делай запросы для домов, с которыми мы будем встречаться.

– Расписание согласовано. Первая встреча – завтра, во второй фазе после пробуждения, – практически сразу откликнулся женский голос. – Ближайший дом, «Иррар», в десяти днях пути от «Дизара». Сообщение отправлено.

– Правильно, – похвалила меня Ита, взбивая поникшую ткань юбки. – Чем больше практики, тем лучше. Рада была помочь. Ты придешь на представление? Сегодня я показываю новые танцы.

– С удовольствием! – обрадовалась я и не удержалась от комплимента: – Надеюсь, мне место достанется. Очень уж много поклонников твоего таланта.

– Уверена, ты тоже станешь востребованной. И буду с нетерпением ждать твоего публичного сольного дебюта.

Соло... Для экзота это большое достижение – групповые и даже парные выступления намного проще. И отнюдь не быстрое – мне лет пятьдесят, до совершеннолетия придется набираться опыта. Надеюсь, к этому времени мой организм перестанет сбивать, я не превращусь окончательно в человека и это будет соло для атрионки, а не для землянки!

Глава 1

Партитура

«Первое, что я усвоила, общаясь с теми, чей опыт стал основой моей певческой карьеры, – это необходимость поймать ту самую точку ритма, с которой начнется все».

(Из личного дневника Рири-Ла ВерДер)

– Рия, ты мою расческу не видела?

Вскочив и спрятав за спину компрометирующий меня предмет, я замерла, старательно удерживая на лице беспечное выражение.

– Нет. А она тут была? – поинтересовалась, не сводя глаз с мамы, которая столь же быстро, как и появилась в моей комнате, теперь двигалась по ней,

разыскивая пропажу.

– Не уверена. Убей не помню, где оставила. Утром вроде причесывалась в своей комнате, но там ее нет. Подумала, может, случайно с собой захватила и к тебе принесла... Черт, да куда ж я ее дела-то?!

Помянув мистическое земное полуживотное-получеловека, мама всплеснула руками, окинула взглядом поверхности, на которых пропавший предмет теоретически мог лежать, и исчезла в коридоре.

Вздыхнув, я опустилась на сиденье и рассеянно провела щеткой по путающимся кудряшкам.

Вот ведь! Чуть не попалась. Сразу бы посыпались вопросы, зачем мне понадобился абсолютно бесполезный для атрионов предмет. И оправдание типа «интересно» вряд ли помогло бы – я его однажды уже использовала. Пришлось бы признаваться в умении трансформироваться. А я к этому пока не готова. То есть не вижу необходимости кого-либо ставить в известность. Во-первых, не хочется панику и ажиотаж разводить вокруг своей уникальной персоны. Нечего родным попусту волноваться. А во-вторых, я сама разобралась, как ухаживать за земным обликом. Не так уж это и сложно. Жаль только, что нужных приспособлений у меня нет, приходится втихую таскать мамины.

Эх, ну надо же было ей именно сейчас спохватиться и приняться за поиски. Зачем, спрашивается? Она же сегодня уже причесывалась! Неужели до завтра не потерпеть?

Теперь эксперимент с укладкой волос в прическу придется отложить. Надо становиться атрионкой и помогать искать пропажу. Без меня мама ее точно не найдет.

Закрыла глаза, сосредотачиваясь. Встряхнула головой, ощущая, как тяжелеют и укорачиваются прядки. Провела языком по деснам, которые привычно заныли, когда в них втянулись зубы. Ну вот и все. На выход. Это поначалу я не могла контролировать процесс превращения. Пока трансформация не стала полной. А теперь проблем никаких.

– Ой! Где? – принимая из моих рук расческу, изумилась родительница и оттолкнулась от стола, за который успела сесть.

– У меня. – Врать в глобальных масштабах я не стала, лишь слегка слукавила: – Между складками лежала. Свалилась, видимо. Ты становишься рассеянной.

– Так ведь причина у меня уважительная, – заулыбалась мама, положив ладонь на живот. – И она пока еще не слишком сильно на меня влияет. Скоро куда больше побочных эффектов проявится.

– Каких? – Я оперлась бедром на край столешницы, которая тут же стала мягкой, чтобы не доставлять мне дискомфорта.

– Вкусовые пристрастия изменятся. Земную пищу уже не смогу воспринимать и на особый мусс перейду, который твоя тетя Дая готовит. А еще весь шеклак, который я получаю от твоего папы, начнет в ребенка уходить. Тогда я перестану видеть вас людьми. – Мама тяжело вздохнула, проглаживая пальцами гладкую ручку расчески.

– А сейчас ты меня видишь человеком? – любопытствовала я и, получив согласный кивок, не удержалась от вопроса: – И какая я? Красивая?

– Очень! – ответ последовал моментально.

Впрочем, мама – она и есть мама. Ее мнение определенно можно считать предвзятым. Для любого родителя его ребенок всегда самый лучший, даже если на деле все обстоит иначе. Однако понимание этого не умерило моего любопытства.

– Ты жалеешь, что я родилась другой?

– Вот уж нет. – Родительница и на этот раз не раздумывала. И даже объяснила, доказывая, насколько объективна в своих суждениях: – Поначалу, когда Ал-Риф подрастал, я действительно переживала, а потом поняла, что так лучше. И правильнее. Для вас жить на Атрионе в телах, которые для этого не приспособлены, было бы настоящим мучением. А с меня и иллюзии хватит. Тем более такой приятной!

Она снова ласково на меня посмотрела и протянула руку, чтобы коснуться волос и погладить по голове. Я знала, что у нее меняется лишь визуальное восприятие и запахи, которые трансформируются в мимику, а все тактильные ощущения остаются прежними. И теперь тихо радовалась тому, что облик вернула свой обычный, а не пришла сюда в земном. Впрочем, опасение кого-нибудь встретить ненароком в коридоре тоже сыграло не последнюю роль.

Мама же, то ли прислушиваясь к своим ощущениям, то ли просто о чем-то задумавшись, закрыла глаза, продолжая оглаживать толстые прядки.

И говорить:

– Каждый сам выбирает себе место в этом мире. Занимает его, исходя из имеющихся возможностей или желания. Первое всегда проще, второе... Второе србатывает, только если стимул очень сильный.

Это она о себе? То есть о том, что оставаться одной в непривычной среде, даже среди любящих, совсем не просто?

– Может, тебе все же попробовать переубедить папу?

Я не в первый раз этот вопрос задаю, ведь разговоры о Земле у нас не так уж редки. Но, пожалуй, впервые я серьезно задумалась о том, насколько эта планета для мамы важна. Ей определенно нужно туда слетать! Хотя бы ненадолго.

– Дело ведь не только в нем, но и в том, что гайды всех крупных домов Атриона приняли решение не развивать отношений с Конфедерацией. И папа... Он не хочет рисковать. Наше последнее посещение Солнечной системы закончилось не лучшим образом, а подставляться под удар, напоминая земным службам безопасности о нашем существовании, твой отец не станет. «Дизар» никто не подстрахует и не придет на помощь, если что-то случится. И я в этом с Ис-Лашем солидарна, – уверенно, даже с нажимом закончила, потому что я протестующе приоткрыла рот. – Из-за одной меня рисковать всей семьей он права не имеет.

– Но ведь когда-то рисковал! – все же не сдержалась я, вспомнив, при каких обстоятельствах родители познакомились. – И к землянам обратился за помощью. И с террианками без поддержки остальных домов воевал...

– Тогда на кону были жизни всех атрионов. – В голосе мамы появилась строгость. Она даже руки на груди сложила, выражая неодобрение. – А теперь это не так. И как бы мне ни хотелось побывать на Земле, я туда не полечу, потому что адекватно оцениваю последствия.

– Прости. – Я ее обняла, понимая, что напрасно завела этот разговор, – беременным волноваться нельзя. Потому и тему сменила: – Ты на концерт пойдешь? У меня с Ти-Ярком дуэт. Ита-Ял опять что-то новенькое танцевать будет. У РейВаров тот же номер остался, но, по-моему, ты его так и не посмотрела ни разу. А самое главное – экзоты «Агрانا» у нас дебютируют.

– Обязательно пойду. Думаю, что никто из тех, кто свободен от работы, не пропустит представление. Ис-Лаш сказал, что атрионы из семьи с «Агрانا» тоже придут. Не все, но...

– В зале так много не поместится! – Мне стало не по себе.

Дом, с обитателями которого мы сейчас общаемся, обмениваясь опытом и информацией, лишь немногим уступает нашему в размерах. В его семье полторы сотни атрионов. Даже если треть из них решит провести время у нас, то зрителям придется сидеть в тесноте. Какое же в этом случае удовольствие?

– Так зря, что ли, майнеры его расширяют? – заулыбалась мама. – Ведь уже месяц как дорастивают! «Дизар» снова прибавляет в габаритах.

– Ага, – согласилась я и пожаловалась: – Мы из-за этого нормально репетировать не можем. Стены, растягиваясь, пульсируют и гудят. Быстрее бы уже закончили.

– Закончат, раз время представления уже определено, – заверила меня мама.

Расческа вновь оказалась у нее в руках, пальцы пробежались по ручке, смяли щетину, зажав ее в кулак... Через секунду на лице родительницы появилось недоумевающее выражение, а в пальцах – несколько черных волосинок.

Я замерла, потому что после ее неожиданного появления в моей комнате совсем забыла об этой неприятной специфике земного тела и, соответственно, упустила из виду необходимость вычистить щетку.

- Дожили, - посетовала мама, - я еще и волосы с нее не сняла.

- А почему они выпадают? - успокоенное было вновь подняло голову мое любопытство.

- Обновляются. Сначала растут, потом стареют и отмирают. На их месте появляются новые. Это нормально. И не больно, - зачем-то уточнила, хоть я и не спрашивала.

- Понятно. - Я покивала, наказав себе все же быть внимательнее. И вообще, надо на время перестать меняться, чтобы случайно не спровоцировать панику.

Оттолкнулась от стола, потянулась, мазнув взглядом по лаконичным черно-синим переливам рабочего кабинета родителей. На мой вкус - слишком уж строгим, но... у папы свое мнение насчет дизайна.

- Ладненько. Я пошла.

- Куда? - догнал меня вопрос уже на выходе.

- Световую ванну приму, пока Аш-Хори в зените.

Потребность зарядиться я ощущала необычайно остро. Она всегда возникала после возвращения в исходный облик, и с этим приходилось считаться. Впрочем, электромагнитное излучение световой части спектра важно для всех атрионов, а длительность его воздействия - это личное дело каждого. Никто за другими не следит.

То есть следят, конечно, диспетчеры, но они на службе, это их обязанность, а в быту ни один из них даже намек не сделает на то, что знает о тебе что-то необычное. Неразглашение информации для них на первом месте, если нет соответствующего разрешения. Поэтому и мы редко задумываемся о том, какой именно майнер в данный момент на связи. Я вот, например, понятия не имею, кто отвечает на вызывной код «два-восемь». Может, Та-Вел? Молодой атрион с ярко-желтыми волосами, практически мой ровесник, выскользнувший из коридора, в котором есть вход в диспетчерскую. Или беловолосый Жи-Арс? Он постарше и идет не так торопливо. На меня посмотрел заинтересованно,

и фонит от него симпатией, я даже на расстоянии почувствовала. Или кто другой? И вообще, диспетчеров в любом секторе несколько – они сменяют друг друга. Им тоже нужно отдыхать и спать. А всего в нашей семье почти сотня майнеров! И из них больше половины занято на бытовом контроле, остальные поддерживают другие функции «Дизара»: движение, размножение, рост...

Увидев идущего навстречу отца, о своих размышлениях я забыла моментально. И в большей степени потому, что не один он шел, а в компании незнакомого мне пожилого атриона. О том, что тот с «Аграна», я догадалась сразу. Да и в предназначении даже не засомневалась. Только от гайдов фонит такой уверенностью и властностью.

– Ол-Чес ДиеВал, Рия-Ла, моя дочь, – представил меня отец своему спутнику, когда мы поравнялись.

– Экзот, – быстро определил тот, пробежав по мне оценивающим взглядом темно-серых глаз. – Уже выступаете? В каком амплуа?

– Индивидуально пока нет. Практикуюсь. Я – певица.

– Значит, завтра будете участвовать в представлении? – Заинтересованность Ол-Чеса определенно стала сильнее. – Буду ждать с нетерпением. В моей семье всего два певца, и оба мужского пола.

– Даже не мечтай ее к себе переманить, – с отчетливо смешливыми интонациями предупредил папа.

– Но попытаться-то можно? – явно предвкушая интригу, отреагировал ДиеВал. – А что и как в жизни пойдет... Сложно предсказать. Так ведь?

Вопрос он задал именно мне, но я лишь пожала плечами. У меня, несмотря на наступившее совершеннолетие, опыта в этом мало. Что я видела в своей жизни? Наш дом и несколько других, экзоты которых передавали мне свои знания. Один раз «Дизар» превратился в корабль и поднялся в космос. Но я это путешествие практически не помню – совсем маленькая была. А когда подросла, с Атриона мы уже не улетали.

Что касается «переманить»... Сменить семью никто не может ни запретить, ни приказать. А вот убедить и сделать так, чтобы возникло желание это сделать, – запросто. Самым сильным стимулом обычно являются чувства. Ош-Кар, муж папиной сестры, – классический тому пример. Он даже согласился быть на вторых ролях после моего отца, хоть и гайд. А все потому, что тетя менять семью не захотела. И он такой не единственный. Однако и в этом личного опыта у меня никакого. Так что я предпочла не высказывать никаких суждений. Поживем – увидим. Куда мне торопиться?

В смене места жительства – однозначно некуда, а вот на спину «Дизара» поспешить жизненно необходимо! Излучение Аш-Хори в зените, может, и жестче, чем на закате, но энергетический потенциал от него в десятки раз выше. А это именно то, что мне сейчас требуется!

Воспользовавшись тем, что гайды больше ко мне не обращались и их беседа превратилась в диалог, я отступила. Меня не остановили, и это означало свободу от необходимости присутствовать при разговоре. Через минуту я уже протиснулась в смычку между складками, отделяющими внутреннее пространство дома от промежуточного, функционального. Через две – лезла по узкому ходу. Куда более широкий горизонтальный, основной, вывел бы меня на равнину. Этот же, вспомогательный, вел на ровную площадку, находящуюся на значительной высоте.

Развернутые паруса-уловители, которые майнеры лишь на ночь складывали, прижимая к корпусу дома, сейчас раскинулись, закрыв своей тенью почти всю спину «Дизара». Мне ничего не оставалось, кроме как сместиться на самый край «крыши». Стараясь не мешать, скользнула между теми, кто оказался здесь раньше. Нашла свободное место и с наслаждением стянула верх платья до пояса, обнажая кожу.

Мужчинам в этом смысле проще – они в неофициальной обстановке носят укороченные комбинезоны, почему-то мама их называет «бермуды». Она пыталась объяснить, но я связи между островами на Земле и фасоном одежды все равно не поняла. У женщин платья тоже максимально открытые, но все же не настолько, чтобы поглощать излучение без раздевания.

Развернулась лицом к сияющему светилу, испускающему пульсирующие волны белого света. Раскинула руки, увеличивая площадь контакта. Зажмурилась, наслаждаясь теплом и легким покалыванием, сопровождающим активацию

кожных фотоуловителей. Снова развернулась, давая возможность поработать тем, что на спине. Они несколько менее чувствительны, но и им бездействовать не стоит.

Теперь Аш-Хори уже не слепил, потому и глаза я открыла, с интересом рассматривая открывающуюся передо мной панораму.

Гигантская равнина. Плоская, как столешница. Лишь на самом горизонте она становится холмистой и сменяется горным массивом, за которым бушует невидимый, но опознаваемый по гулу и повышенной влажности бескрайний океан. Дом к нему может попасть только с воздуха, если перелетит через каменную гряду, – все водные объекты на Атрионе окружены такими поднятиями.

Желтая, каменисто-песчаная поверхность равнины покрыта большими и маленькими темно-коричневыми пятнами топкой, вязкой почвы, насыщенной минеральной массой. «Дизар» сейчас как раз и лежит брюшком на таком затемнении, активно всасывая воду и питательные вещества.

И поступает так не он один. Совсем рядом, в паре сотен метров, на соседнем пятне расположился еще один дом. Такое близкое соседство, конечно, не типично для крупных конкурентов. Они делают исключение разве что ради процесса размножения. Он, кстати, вчера ночью состоялся – на узкой светлой полосе между домами пульсирует капсула, в которой развиваются зародыши новых домов. А их «родителей» майнеры-пилоты удерживают от инстинктивного стремления разойтись.

«Агран»... Он действительно поменьше «Дизара», но выглядит внушительно. Черное, отливающее синевой защитное покрытие даже на расстоянии кажется прочным и непробиваемым. Слюдянистые паруса распущены и блестят, переливаясь всеми цветами радуги, а на спине дома замерли фигуры атрионов.

Любителей жесткого излучения на «Агране» немного. По крайней мере, я вижу всего троих. Две женщины – они стоят чуть поодаль, похоже, беседуют. И мужчина, который оперся спиной о функциональный нарост. Серые волосы лежат неподвижно, хотя ветер сильный. Кожа темно-зеленая – фотопигмента в ней много. И он так же, как и я, занят изучением окружающей природы. Чужого дома. Меня?!

Невольно дернулась, потому как пристальный взгляд незнакомца невозможно правильно оценить. Чего в нем больше? Обычного атрионского любопытства или мужской заинтересованности? И ведь не выяснишь – эмоции на таком расстоянии не воспринимаются.

Впрочем, атрион сейчас в той же степени озадачен моим вниманием! Так что я тактично перестала его рассматривать и отвернулась, вновь сосредотачиваясь на процессе поглощения энергии, а вскоре и вовсе ушла с крыши. Кожа начала терять эластичность – это первый симптом перенасыщения. К тому же мне нужно еще раз выступление отрепетировать. Хочется оправдать надежды Ол-Чеса, раз уж он такой любитель женского пения и не имеет возможности наслаждаться им в собственном доме.

«Истинные ценности нашего мира нематериальны. Их нельзя купить, продать, украсть. Они дарованы нам природой, заложены в каждого еще до рождения, готовые проявиться или угаснуть. Это чуткость строителей, тактичность диспетчеров, реакция пилотов, стремление экспериментировать у фидеров, экспрессия танцоров и нотная фантазия певцов».

(Из речи гайда дома «Аграна» Ол-Чеса ДиеВала)

Голубой перелив сменился зеленым, отчетливее выделив черты лица стоящего напротив меня Ти-Ярка – тонкие, заостренные, изящные. Вспыхнул и постепенно угас, перекрасив стены и сцену в пурпур. Вновь разгорелся, насыщаясь и окрашивая желтизной наши соединенные руки. Наконец заискрился синими вспышками, сопровождая токкату, которую мы исполняли.

Отрывисто звучали голоса, переплетались и расходились, звук резонансом шел в зал и возвращался к нам, сливаясь с новыми оттенками мелодии. Мой партнер уверенно вел партию, я лидировать пока не стремилась – мне второй роли вполне хватало. Тем более она была более чем выразительная. Можно сказать, контрастирующая. Голос Ти-Ярка низкий, осязаемо плотный, мощный, но диапазон у него узкий. У меня же он очень широкий, и я могу снижать тембр до такого же уровня, однако сейчас использую более выгодный высокий тон. Получается очень гармонично.

Смена ритма и новая цветовая гамма. Теперь наши голоса стали лиричными, плавными, а по залу разлилась ультрамариновая синь – колеблющаяся, непостоянная, переменчивая. То совсем темная, погружающая во мрак все вокруг. То светлая, позволяющая видеть замерших в неподвижности зрителей.

И все же я старалась на них не смотреть, сосредоточившись на глазах партнера. Я не стеснялась и не боялась, скорее испытывала некоторую неуверенность. Поддержка наставника казалась необходимой. К тому же мне было достаточно того восхищения, которое лилось из зала и накатывало волнами, погружая в эйфорию. Ради этого ощущения я готова была выложиться по максимуму, петь так, как не пела никогда в жизни, забывая обо всем...

И я действительно забыла. Лишь когда воздух в легких закончился, когда последняя нота сорвалась с губ, когда звук растворился в тишине, а в глазах Ти-Ярка сверкнуло что-то хитрое, я осознала – эту партию он вместе со мной не пел! Замолк, позволив завершить композицию одной.

Потрясенная, все еще находясь в трансе, я даже не поняла, как спустилась со сцены. А вот внизу меня прорвало.

– Предупредить сложно было? – возмутилась, вырывая руку из мужской ладони. – Или хоть раз отрепетировать! Я же не готова была.

– Тебе не нужна моя страховка, ты отлично пела, – укорил партнер, так сильно мотнув головой, что короткие темно-красные прядки подпрыгнули словно живые.

– Все верно, – встала на его сторону Май-Лу, вторая солистка в нашем доме. Она опекала меня в меньшей степени, зато научила приемам, которые доступны только женским голосам. – Думаешь, почему я с вами сегодня не вышла? А если бы Ти-Ярк предупредил, ты бы еще сильнее нервничала.

– Сговорились, – дошел наконец до меня их коварный замысел.

– Но ведь результат того стоил, – не сдался партнер. – Разве ты этого не почувствовала?

Вопрос риторический. Такое сложно не воспринять. Я до сих пор ощущаю удовлетворение, которым наполняется зал. Да, теперь оно усиливается еще и тем, что на смену нам на сцену вышла Ита-Ял, а ее выступления всегда находят отклик в эмоциональном настрое зрителей. Но все же вклад в первоначальный фон – именно наш с Ти-Ярком. И мой.

На возвышение, где изящно двигалась, изгибаясь, танцовщица в ритме быстрой музыки, которую исполняли сидящие внизу инструменталисты, я посмотрела с сожалением. Причин было две. Первая – меня безумно тянуло обратно. Впрочем, это совершенно нормальное стремление для экзота. Вторая – столь же сильно, как и другим, мне хотелось насладиться танцевальным шоу. А с этим, увы, были проблемы. Даже увеличенный зал с трудом вместил в себя всех желающих отдохнуть. В нем не осталось ни одного свободного вспучивания, чтобы на него сесть. Пришлось выйти.

В коридоре уровень эйфории казался не таким высоким. Музыка я больше не слышала – органическая стена давала хорошую звукоизоляцию, а равномерное освещение успокаивало, снижая возбуждение. Все же майнеры, контролирующие световые эффекты на представлении, очень точно следуют рекомендациям экзотов-режиссеров, которые составляют план выступления и просчитывают степень воздействия на зрителей.

И все же уходить от закрывшегося проема я не спешила. Стояла, рассматривая занятный рисунок на стене. Совсем новый, видимо, он появился после обновления зала, раньше здесь другой был – имитирующий пейзаж на Атрионе во время заката Аш-Хори. Фиолетовое небо, желто-красный песок, одинокий дом, опустивший паруса и бредущий по пустыне. Это было красиво. Но теперь...

Теперь небо стало голубым. Звезда – желтой и не такой слепяще-яркой. Поверхность земли – зеленой и неровной, словно покрытой штрихами, устремляющимися ввысь. Вдали виднелись горы, но необычные – среди камней отчетливо возвышались усыпанные зеленой массой коричневые тонкие прутья. А на переднем плане – атрион, опустившийся на колени и закрывший лицо рукой.

Любопытно... Видимо, это творчество художника, побывавшего в плену на Терре. Вот только среди тех, кто живет на «Дизаре», таких точно нет. То есть спасенные, решившие жить с нами, имеются, но все они фидеры и майнеры, а не экзоты. Значит, автор картины – из семьи с «Аграна».

Интересно, кто с ним работал? Его задумку в реальность помогал воплощать наш майнер или чужой?

Подошла ближе, присматриваясь к границам цветов. Четким, совсем не размытым. Тот, кто выращивал эту стену, дожидаясь, когда художник добавит в питательный субстрат красящие пигменты, – настоящий мастер. Я помню, мой брат, первоклассный пилот, тоже пытался практиковаться в строительстве. Майнеры всегда имеют минимум две профессии: от этого зависит успешность жизнедеятельности дома и комфорт его обитателей. У Ал-Рифа так и не получилось наладить контакт с растущей массой, а уже сформировавшейся он управлял без проблем. В итоге предпочел в качестве второй специализации диспетчерскую службу.

Проем за моей спиной раскрылся. Коридор вновь наполнился звуками, световой всполох окрасил стену, в воздухе разлилась волна удовольствия. Впрочем, мне даже обернуться времени не хватило – спокойствие вновь вернулось. Однако теперь я уже была не одна. Несколько приглушенных мягким покрытием пола шагов, равномерное дыхание, отчетливый интерес и вопрос:

– Вам нравится?

– Необычное восприятие. И очень качественно прорисовано. Это ваша работа?

Я совершенно наугад спросила. Не основываясь ни на каких логических выводах, разве что кроме одного: ни атрион, изображенный на картине, ни тот, который сейчас со мной разговаривает, не из нашей семьи.

– Почти, – очень даже скромно отреагировал незнакомец. – Я всего лишь стену выращивал. А рисовала моя мама.

– Она изумительный художник! И безупречно подобрала нужные пигменты. А вы очень профессионально выбрали нужную скорость роста. – Я ничуть не снизила уровня восхищения вовсе не потому, что автор картины оказалась для моего собеседника прямой родственницей. Мне на самом деле все очень понравилось. – Вы передавали нашим майнерам опыт?

– И учился сам, – внес коррективы атрион. – Нет предела совершенству. Ми-Лар.
А вы – Рия-Ла.

Избавив меня от необходимости представляться, мужчина коснулся пальцами своих губ, сняв с них льер, и шагнул ближе, протягивая руку мне.

Отказывать я не стала, повторив его движение. Неофициальное общение всегда проще. И приятнее.

Наши пальцы соприкоснулись, соединясь лишь на мгновение, но даже этого было достаточно, чтобы восприятие его эмоций стало для меня более контрастным и четким.

Доброжелательность, определенно симпатия... Нет, пожалуй, больше – восхищение.

– Твой голос меня покори́л, – слова тоже сомнений не оставили. – Я лишь в детстве слышал женское пение, моя бабушка пела очень хорошо, но преемниц ей не нашлось. Сейчас в нашем доме нет певиц.

Искренность и открытость. Никакого лукавства или попыток скрыть вполне очевидную подоплеку – желание получить в семью экзота-певицу. И все же я не удержалась от маленькой проверки:

– Да, я знаю. Ол-Чес ДиеВал об этом говорил.

– Мой отец не оставляет надежды, что однажды в стенах «Аграна» вновь прозвучит женское соло.

Отец? Я внимательнее присмотрелась к своему новому знакомому, действительно обнаруживая все больше сходных черт. Такие же серые глаза, полноватые губы, узкий нос, графитовые волосы, темная кожа. Похож, но... Но я его уже где-то видела! Ой!

– Это ты был на крыше! – ахнула, вспомнив, где именно.

– И приятно удивился, когда увидел тебя на сцене... – Ми-Лар вдохнул глубже, улавливая мою реакцию, и в его голосе появилась обеспокоенность: – Я понимаю, все это выглядит намеренно подстроенным, но я на самом деле ничего не планировал заранее. Не искал встречи специально, разве что сейчас. Боялся, что ты уйдешь и я не успею с тобой поговорить.

Он оправдывался, ощутив в моих эмоциях разочарование. Ведь первое, о чем я подумала, – это владеющее мужчиной меркантильное желание угодить отцу. А мне так хотелось, чтобы я его привлекала как женщина, а не как редкий экземпляр, который нужно заполучить любой ценой. Неужели мое предназначение – единственное, что волнует Ми-Лара?

– О чем поговорить? – пошла ему навстречу, приняв объяснение. Может, я действительно излишне мнительная и недоверчивая?

– О приглашении. – Голос астриона вновь приобрел спокойные, уверенные интонации. – Ты согласишься провести завтрашний день со мной?

Свидание? А вот это... приятно. После наступления совершеннолетия предложения побыть наедине я получала дважды, а по факту кавалером так и не обзавелась. Не сложилось. Это нормальное явление. Папа говорит, что ему до знакомства с мамой тоже не везло в личных отношениях. Хотя ограниченным его выбор трудно было назвать: семья на «Дизаре» даже в те времена уже была немаленькая и другие дома отец посещал не так уж редко. Да и брат мой, похоже, унаследовал ту же разборчивость...

– Соглашусь, – обнадежила я застывшего в ожидании мужчину.

Сделала это очень вовремя – проем снова раскрылся. На этот раз из него появился Ал-Риф, и фонило от брата отнюдь не воодушевлением и беззаботной расслабленностью, как должно быть после представления, а озабоченностью с налетом беспокойства.

– О каком согласии идет речь? – напористо поинтересовался Ал. Видимо, мои последние слова все же услышал.

– Это личное, – поставила я его в известность. – До завтра, Ми-Лар. – Вновь коснулась пальцами губ, чтобы обменяться с ним льером.

Проводив глазами уходящего астриона, обернулась к брату.

- Напрасно согласилась, - не одобрил тот моего решения.

- Почему? - удивилась я.

- Он не сменит ради тебя семью.

- Отчего такая уверенность? - Скептически хмыкнув, я бросила еще один взгляд на картину и направилась в столовую. Есть хотелось до умопомрачения.

- Ты почувствовала от него больше, нежели простую заинтересованность? - Ал-Риф, шагая рядом, принялся меня допрашивать.

- Нет, - отрицать очевидное я не стала. - Но ведь глубокие чувства не сразу проявляются...

- Сразу, - категорично отрезал брат. - Ты еще молодая и этого не понимаешь, потому что опыта никакого. Вернее, мы все так считаем, пока не столкнемся с настоящей любовью.

- А ты много об этом знаешь! - возмутилась я. Даже остановилась, уперев руки в бока, и развернулась к упрямцу: - Где твой хваленый опыт? Сам ведь до сих пор не женат!

- Потому и не женат, - резко осадил меня Ал, в очередной раз доказав то, о чем я уже давно подозревала: он в кого-то влюблен, эта девушка точно не из нашей семьи и взаимностью ему не отвечает даже на минимальном уровне. Иначе бы брат сейчас жил не на «Дизаре», а в ее семье, и ухаживал, ожидая, пока она примет его как мужа.

- Ладно. - Мне пришлось оставить щекотливую тему и вернуться к тому, с чего мы начали разговор: - Допустим, я бы ему отказала. Наши дома разошлись, и с Ми-Ларом я больше никогда бы не встретилась. Но вдруг он на самом деле - моя судьба? А я не дала ни ему, ни себе возможности в этом убедиться.

– Ты максималистка, – охарактеризовал мою позицию брат. – Не он – так другой.

– Кто бы говорил... – едва слышно пробормотала я, опускаясь на сиденье. Хорош советчик!

Дождалась, когда на раздаче появятся стаканы, ловко выхватила желтый, оставив брату синий, и мысленно поблагодарила четыре-один, который так удачно подобрал для нас рацион. То есть «которая». В столовой диспетчерами традиционно работают женщины.

– Почему ты не стал досматривать представление? – полюбопытствовала, вспомнив, насколько неожиданно брат оказался в коридоре. А ведь намеревался сидеть до конца. Он об этом говорил за обедом.

– Хотел тебя поддержать. Первый раз делать что-то самостоятельно психологически сложно. Вернее, оглядываться на сделанное. Кажется, наделал кучу ошибок и никакого профессионализма не продемонстрировал. А ты не предупредила даже, что у тебя соло будет. И мне показалось, что ушла расстроенная.

– Да нет, все было неплохо, – успокоила я его. – Если честно, то я настолько увлеклась, что сейчас даже вспомнить не могу, как партию вела. Так что «оглядываться» мне не на что.

– Это хорошо. – Отпив напиток, Ал задумался. – Я когда впервые управлял ботом без страховки, потом несколько дней мучился и переживал.

– Не ты один, – поддержал его жизнерадостный женский голос. – Мой первый самостоятельный мусс был тем еще «шедевром». Я даже выпила его сама, чтобы никто не узнал, что именно получилось.

Ноя-Ти, моя кузина, дочка тети Даи, появилась рядом, не только подслушав, но и бесцеремонно вмешавшись в наш разговор. Она младше Ала ровно настолько же, насколько старше меня, так что мы отлично дружим.

– А ты на концерт не пошла? – Я подвинулась, чтобы девушка могла сесть рядом, составив нам компанию.

– Я работала, у меня сегодня смена на переработке сырой массы. Вот только освободилась. – Кузина поправила ворот розового платья и убрала со лба синие прядки. – Кстати, как вам муссы? Я в них кое-что необычное добавила...

Она загадочно не завершила фразу, а мы с братом внимательнее прислушались к вкусовым ощущениям. Не знаю, как он, а я так точно ничего необычного не почувствовала. Но расстраивать Ною не стала.

– Очень приятное сочетание. Добавки наверняка фидер с «Аграна» посоветовал?

– Ага. Есть у них один... новатор. – Ноя-Ти хихикнула.

– Он тебе понравился? – встрепенулась я, заинтригованная ее поведением. – Вы решили встречаться?

– Ну нет! – уже совсем открыто развеселилась девушка. – Юз-Тер не в моем вкусе. Да и он в возрасте уже, намного старше наших родителей. И женат к тому же. Но фидер изумительный. Он нам на дегустации такие комбинации показывал!.. – Зрачки ее голубых глаз превратились в совсем узкие полоски, доказывая, насколько сильное впечатление произвели на кузину творения опытного коллеги. Впрочем, восторженные интонации быстро сменились на огорченные: – А секрет этой добавки он не раскрыл. Но мне немного подарил. Я теперь ломаю голову, как ее массу увеличить или где еще достать...

– И чем она так хороша? – перебил кузину Ал. – Прости, Ноя, но не понял. Нет в муссе ничего необычного. Рия?

Раздосадованная его прямотой, я хотела было ответить резкостью, но потом, отпив еще немного из стакана, просто пожала плечами. Майнер! Никакой деликатности. Что с него взять?

– Эффект не во вкусе, а в действии, – экспериментаторша важно донесла до нас значимую информацию. – Добавка снижает напряженность и успокаивает. А главное, никак не влияет на вкус и ее можно использовать в сочетании с любыми другими. Так что, Рия, признавайся, что ты там почувствовала?

– Вы ничего не чувствуете? – И вновь наш разговор прервали, отвлекая внимание и тем самым невольно избавляя меня от необходимости отвечать. Не то чтобы мне неприятно было признаваться в лукавстве, скорее не хотелось новой нотации от брата.

– Понять не могу... Знакомый какой-то запах... – подойдя ближе, продолжила мама, а я увлеченно следила за тем, как она морщит нос и хмурит лоб, вдыхая доступный ее обонянию аромат.

Эх! Вот бы мне сейчас в облик человека! Уж я бы тогда тоже узнала, что родительница учуяла, а Ноя намешала! То есть ей насоветовали.

– С ним что-то не так? – Алу этот нюанс был определенно интереснее всего остального. Впрочем, настоящего волнения от брата я не почувствовала, лишь желание получить ответ.

– Да. То есть нет. То есть... – Мама забрала стакан из моих рук, поднесла его к самому носу, втянула воздух, задумалась и мотнула головой, констатируя: – Так не вспомнить. Ноя, ты мне дашь немного добавки для анализа?

– Юз-Тер ее уже лет двести использует, и никаких проблем или побочных эффектов от нее нет, – не слишком довольна, можно сказать, сварливо, но все же вполне миролюбиво попыталась отказать Ноя-Ти. Встретилась глазами с уверенным взглядом моей мамы, вспомнила, что жену гайда она обязана слушаться так же, как и его самого, и понуро согласилась: – Да.

Почти минуту мы сидели молча. Я – потягивая мусс, который мне вернули; Ал – изучая глазами то свой стакан, то сидящую напротив него кузину; мама – скрестив руки на груди и ожидая от Нои действий. Однако та упорно не желала немедленно выполнять обещание. Наконец все же не выдержала.

– Что, прямо сейчас принести? – теперь уже даже с некоторой обидой спросила. Поднялась, сделала шаг к выходу и неожиданно замерла. А когда обернулась, в ее эмоциях определенно чувствовалась надежда и некоторое воодушевление. – Ой! Тетя Тая, а может, тогда вы мне поможете с копированием этого вещества? Оно никак не дублируется обычными способами.

– А как Юз-Тер его получает?

– Говорю же – не знаю! Не рассказал он! Это его право – делиться опытом, но не раскрывать всех секретов.

– Ладно. – Родительница улыбнулась, показывая, что настрой у нее самый доброжелательный. – Я что-нибудь придумаю.

Вот в этом я ничуть не сомневаюсь. Во-первых, люди, в отличие от нас, пользуются неорганическими материалами и технологиями. Это не лучше и не хуже, просто дает возможность подойти к проблеме с другого ракурса. У мамы, конечно, ресурсы ограничены, не так уж много земного оборудования в ее распоряжении, но раз настолько уверенно говорит, значит, его достаточно. Во-вторых, она по профессии – разведчица, а это, как я поняла, означает очень широкий спектр умений в плане добывания информации и работы с ней. Ну и в-третьих, мама очень обрадовалась возможности вновь их проявить.

Почему я так решила? Все очень просто. Когда Ноя принесла упакованный в нейтральную органическую капсулу совсем крошечный шарик, к нам присоединился папа. Концерт завершился, в столовой прибавилось желающих перекусить, и мы ушли, оставив родителей ужинать. Однако я успела различить, до того как шум в столовой перекрыл остальные звуки, а расстояние лишило возможности прислушиваться:

– Тая, ты что задумала? Забыла, что ты моя жена и больше не работаешь на Конфедерацию? – В голосе отца, как и в его эмоциональном фоне, чувствовалось напряжение.

– Агенты бывшими не бывают, – с какой-то бесшабашной веселостью заявила мама. – Лаш, я так соскучилась по своей работе! Безумно хочется вновь ввязаться в какую-нибудь авантюру, но поскольку это невозможно, дай мне хоть на мелочах душу отвести. Ты же меня понимаешь?

– Понимаю.

«Чаще всего ключами к пониманию происходящего становятся совершенно незначительные на первый взгляд вещи и события. Они, как ключевые знаки в музыке, указывают на те позиции, с которых нужно начинать раскручивать

клубок интриг и простых совпадений, чтобы прийти к правильному выводу».

(Из мемуаров Таис ВерДер-Саталь)

Ми-Лар шагнул навстречу, едва я показалась в проеме главного шлюза. Подал руку, помог спрыгнуть на песок.

– Рия! – поприветствовал он радостно, можно сказать, предвкушающе-воодушевленно. Но слишком уж вольно.

– Рия-Ла, – строго поправила.

Я всего лишь дала согласие на свидание, а это не повод для неформального обращения, тем более мы не из одной семьи.

– Извини, – тут же сбавил напор мой кавалер. Если и стушевался, то на мгновение, потому как тут же оправдался: – Я просто очень рад тому, что ты мне не отказала.

Это я и сама чувствую. Но вот причина подобного состояния какова? Мотивы, в отличие от эмоций, так легко не распознаются. Вернее, вообще не распознаются, о них приходится только догадываться. Ну или верить на слово тому, кто убеждает меня в своих намерениях:

– Признаюсь честно, это мое первое свидание за последние семь лет. Я был в таком нетерпении! Едва смог дождаться момента, когда снова тебя увижу.

– Всего за семь? – не удержалась я от игривого тона. – А до этого сколько их было за-а-а... – многозначительно растянула последнее слово, намекая, что неплохо было бы мне сообщить не только число попыток найти жену, но и возраст.

– Восемь встреч за сто лет, – не стал меня разочаровывать поклонник.

Прозвучало признание очень перспективно. Значит, Ми-Лару двести пятьдесят, он на пятнадцать лет младше моего брата и на девяносто пять старше меня, серьезно подходит к выбору и приглашения не раздает всем без разбора. Если

не занижает цифр, конечно.

Однако немедленно выяснять подробности его личной жизни я не стала. Успеется. У нас весь день впереди. И ночь.

Я просто кивнула, принимая объяснение, и коснулась пальцами губ.

Обмен льером для нас сейчас весьма актуален, особенно потому, что нет другого способа усилить восприимчивость организма и правильно определить: сможет ли в будущем возникнуть влечение более высокого уровня, нежели простая симпатия. Прямой контакт через губы был бы, конечно, эффективнее, но позволить его себе могут только влюбленные. А нам этого ждать... долго.

Поняла я это сразу, едва ощутила, как моя ладонь оказалась в теплом захвате сильных пальцев. Отторжения не возникло, но и желаня чего-то большего – тоже.

Признаться, меня это расстроило. Я все же надеялась на тот самый чувственный всплеск, о котором с такой нежностью и нескрываемым удовольствием рассказывал папа. Ему одного случайного касания хватило, чтобы определиться и больше не сомневаться в своем выборе. И это притом, что мама совсем не атрионка!

Оставалось надеяться, что к концу свидания восприятие все же изменится и перспективы будут более очевидны. Не зря же нам отведено столько времени на знакомство!

И Ми-Лар определенно не собирается тратить его напрасно.

– Мы куда-то полетим? – Я немедленно заинтересовалась планами, сообразив, что Ми-Лар увлекает меня к лежащему брюшком на песке стандартному боту.

Небольшому, черно-синему – в точности как «Агран», от которого он отпочковался, и потому совершенно не похожему на боты «Дизара». У тех естественная окраска – темно-серая, лишь с легким налетом синевы и белыми разводами. В принципе у всех домов свой цветовой оттенок и рисунок «шкурки». А ведь она еще и мимикрировать может, сливаясь с фоном поверхности.

– Я же майнер. То есть в первую очередь пилот, – с отчетливой веселостью напомнил атрион, раздвигая мягкую складку-вход, чтобы мне было легче пролезть внутрь. – И хочу, чтобы ты узнала обо мне как можно больше. У тебя есть особые пожелания или доверишься мне? Или ты против самого полета?

– Не против, очень даже «за». А вот куда именно... Пусть будет сюрприз, – решила я.

Ну а на самом деле, почему у меня должны быть какие-то возражения? Меня брат не раз катал на ботах, но это ведь совсем иное. Потому как компания другая!

Послушно забралась во внутреннее пространство чужого корабля, маленького, но неродного. Хотя в нем все стандартно: вспучивания-кресла, одно из которых управляющее, складки маленького гигиенического модуля и светящиеся слабой флуоресценцией мягкие стены.

Не дожидаясь приглашения, села в кресло, самое близкое к тому, в которое опустился следующий за мной Ми-Лар. С интересом проследила, как его серые волосы, упавшие на поверхность сиденья, словно расплавились, сливаясь с органической поверхностью и позволяя пилоту интегрировать свой разум в нервную систему бота. Теперь он с ним единое целое.

Невольно коснулась своих тяжелых прядок, скользнув по ним подушечками пальцев. Мои волосы для этого не приспособлены. Так уж природа распорядится, наделяя нас разными данными. А жаль, я бы с удовольствием посмотрела на то, что происходит сейчас за стенами кораблика.

Мое любопытство оказалось настолько сильным, что Ми-Лар его почувствовал. Приоткрыл глаза, бросил на меня краткий взгляд, словно проверяя, не ошибся ли, а когда закрыл, одна из стен начала приобретать не свойственную ей жесткость. Ее естественная окраска поблекла, зато сквозь нее проступили другие краски, сформировав не слишком четкое, потому как бот находился в движении, но все же изображение.

Зная, как сложно пилоту одновременно и управлять, и контролировать внутреннее пространство, я замерла, стараясь больше его не отвлекать. Сидела смирно, наблюдая за калейдоскопом картинок.

Массивные «Дизар» и «Агран», лежащие на желтой песчаной равнине. Бескрайнее пространство пустыни, с огромной скоростью проносящееся под нами. Обширные коричневые пятна свежего питательного субстрата, которые, несомненно, привлекут внимание домов, едва майнеры позволят им разойтись. Очередной безжизненный участок. Распустивший розовые паруса одинокий дом, ярко-красный, молоденький, а потому совсем маленький. Наверняка в нем небольшая семья живет, не более десятка атрионов. Низкая каменная гряда, ограничивающая плоское прогретое озеро, которое парит так, что окружающий мир теряется в плотном тумане. Возможно, мы сюда? Нет, летим дальше.

Разорвав влажную дымку, бот стремительно пронесся над «вросшими» в вязкую почву личинками домов. С той высоты, на которой мы сейчас находимся, они похожи на россыпь разноцветных бусин, которые так любит перебирать моя мама. У этих крошек еще даже парусов нет, поэтому ночью от них нужно держаться подальше: не успев накопить световую энергию за день, они непременно постараются компенсировать ее недостаток, высасывая тех, кто имеет меньший размер. Днем же рядом с ними безопасно и даже интересно – личинки очень забавные звуки издают, слушая их, можно придумать столько новых мелодий!

Но мы пролетели мимо, и снова началась пустыня. Такова уж наша планета, которая не может похвастаться ни многообразием жизненных форм, ни разнообразием пейзажей. Первые погибли в процессе эволюции, остались лишь те, кто научился жить не только ради себя, но и обеспечивая других. Вторым не из чего образовываться, ведь климат везде одинаково теплый и влажный, а кроме песка, разлагающегося субстрата, скальных поднятий и впадин, заполненных водой, на Атрионе ничего нет.

Так куда же мы направляемся? Ох, неужели?!

Широко раскрыв глаза, я смотрела на появившиеся впереди горные пики. С каждой секундой они становились все выше и ближе, и я окончательно уверилась в своей догадке. Океан! Значит, Ми-Лар решил провести со мной время на вершине одной из гор, используя в качестве антуража бушующий простор воды?

Что, опять нет?!

Теперь уже с недоумением я смотрела, как бот, перелетев через хребет, скользит по воздуху вдоль отвесной каменной стены, о которую разбиваются высоко вздымающиеся волны. Брызги, повисающие в воздухе, формируют у побережья полупрозрачную завесу, похожую на клубящееся, беспокойное облако.

Меня это всегда удивляло. На суше поверхность озер идеально ровная, никакого перемещения воды в них нет, зато океан и моря ни на мгновение не успокаиваются. словно они тоже живые, им не нравится мешающая разлиться на большую площадь каменная преграда, и они пытаются ее разрушить.

В некоторых местах это даже удается, и там, где вертикальность обрыва нарушается, возникает своеобразный рельеф из уступов, небольших плато и гротов... Мы в один из них и залетели, обогнув два выдающихся в океан мыса.

– Прибыли, – подтвердил мои наблюдения пилот, поднимая голову. Его волосы натянулись, неохотно разрывая контакт с симбионтом, а картинка исчезла, вновь сменившись мягкой стеной. – Мы здесь надолго, так что...

Бросив выразительный взгляд на гигиенический модуль, Ми-Лар исчез в складке, закрывающей выход. Я игнорировать намек не стала, а когда вылезла следом, ахнула от восхищения.

Все же майнер убрал изображение прежде, чем бот окончательно устроился в глубине грота, поэтому панорама места, которое было выбрано для свидания, стала для меня приятной неожиданностью.

Глубокий пролом в горе хоть и располагался высоко над поверхностью океана, но оказался наполовину заполненным водой: волны самыми верхушками захлестывали сюда, пополняя центральное углубление, похожее на маленькое озерко. Оно даже парило так же, как внутренние материковые, видимо, в достаточной степени нагревалось, хотя брызги до меня долетали прохладные. Океан в этом смысле намного холодней. Впрочем, купаться в нем никто не решается вовсе не из-за температур – они вполне терпимые, и не из-за опасности быть съеденным – он совершенно безжизненный, и не из-за боязни утонуть – мы можем довольно долго обходиться без воздуха, а потому, что никому не хочется быть размозженным о скалы.

Однако плескаться в морской воде – это совсем иное, нежели в пресном водоеме! Экзотика! И еще, возможно, генетическая память работает. Ведь когда-то океан был совсем мелководный, спокойный и занимал огромную площадь современных пустынь. В то время в нем жили наши далекие предки, которые еще и на нас были не очень похожи, и умели свои тела менять так же, как сейчас делают дома?.

В общем, ни мне, ни Ми-Лару особого приглашения не потребовалось. Мы не сговариваясь принялись стягивать с себя одежду, которая соленой воды точно не выдержит – съежится, потом ее даже в модуле будет снять проблематично.

Я нырнула первая. Уже опускаясь на дно, услышала, как ударилось о поверхность воды тело Ми-Лара. Развернулась, удерживаясь в глубине, чтобы его увидеть. Света здесь не хватало, поэтому заметила, лишь когда атрион подплыл совсем близко. Еще более темная, неясная фигура, протянувшая ко мне руку.

Ловко извернулась, избежав контакта, и оттолкнулась от дна. Всплыв на поверхность, быстро, насколько могла, поплыла к берегу. Забралась на камни, обежала озерко, чтобы оказаться с противоположной стороны, а когда атрион выбрался из воды, снова нырнула.

Игра в догонялки меня не утомляла. Было весело, и я отчетливо ощущала – Ми-Лар тоже получает удовольствие. И все же в один из таких заплывов позволила ему себя догнать. Теперь мы плыли рядом, держась за руки, хоть это и было не совсем удобно. А потом я сидела на теплом плоском выступе, болтая ногами в воде, мужчина же вылезать не спешил. По пояс скрытый темнотой озера, он оставался на плаву, ухитряясь при этом меня расспрашивать.

– Почему твой отец позволяет своей жене называть себя трехзвучным кратким именем? Это ведь женский вариант. Я когда услышал, ушам не поверил. Мне даже уйти пришлось, чтобы мою реакцию не заметили и не восприняли как бестактность.

– Но это же не жесткое правило, его ради удобства ввели, чтобы меньше путаться, – парировала я. – Поэтому папа даже поправлять маму не стал, когда она ошиблась, – опасался, что это ее оттолкнет. А у землян имена вообще невообразимые. Хорошо хоть у мамы оно видоизменяется до привычного всем

сокращения.

- Она ведь сейчас адиза? - продолжил проявлять любопытство Ми-Лар. - Сколько же ей лет? По внешности сложно понять, но все же и ты, и твой брат уже совершеннолетние.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Здесь и далее стихи автора, если не указано иное.

Купить: https://tellnovel.com/ru/blank_el/atrionka-serdce-hameleona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)